

«Мы – не крэсы ўсходнія»

Историко-документальное эссе

В результате польской оккупации западно-белорусских земель и Рижского мирного договора 1921 года почти два десятилетия белорусский народ жил как бы в двух мирах. В одном впервые в своей истории смог строить собственную государственность, возрождать национальную культуру и образование. В другом – гнет панской Польши, которая меньше всего была заинтересована в культурном и экономическом развитии «крэсаў усходніх», проводя политику полонизации и ассимиляции. Белорусы не желали мириться с социальным и национальным угнетением, сражались против польских захватчиков. Как это было, кто восставал против несправедливости, что пришлось пережить патриотам – об этом в трех небольших историях, вместивших в себя целую эпоху.

Мичуринец из Глубокого

В начале 1921 года, когда основные очаги гражданской войны на территории России ликвидировали, Полномочное представительство Социалистической Советской Республики Белоруссия в РСФСР начало активно заниматься репатриацией разбросанных по российским просторам земляков. Среди многих обратившихся за помощью был и некий Болеслав Лапырь. Родился он в 1895 году в Петербурге, детство провел на родине родителей в Браславе. Там получил начальное образование. Затем семья переехала в Ковно. В 1916 году Болеслав вновь в Петербурге, здесь он учится на агронома. Впоследствии уже из Тулы в начале 1921-го он писал в белорусское диппредставительство: «Збіраюся выехаць пры першай аказіі, верны сын Беларусі».

Никто из вернувшихся на родину не думал и не предполагал даже, что вскоре они окажутся по разные стороны границы, в разных государствах. Так случилось и с Лапырем. Он приехал в Глубокое на Витебщине. На исходе марта согласно Рижскому мирному договору Глуботчина стала восточной приграничной территорией Польши, само местечко – административным центром Дисненского повета Виленского воеводства.

Глубокое и границу разделяли всего 25–27 километров, и это накладывало свой отпечаток на местную общественную жизнь. Надо сказать, она была достаточно бурной: люди не могли смириться с тем, что целый народ насильно в одночасье разделили. С 1925 года в местечке и округе действовали поветовый комитет и кружки «бе-

ларускай сялянска-рабочай грамады» – массовой организации национально-освободительного толка. Работало Товарищество белорусской школы (ТБШ). Его активисты организовывали кружки самообразования, создавали читальни, передвижные библиотеки, народные думы (клубы), повсеместно популяризировали идею возрождения родной школы на «мове матчынай». Функционировала ячейка Коммунистической партии Западной Белоруссии. Партийцы распространяли подпольную литературу, тайно проводили собрания. В одном из отчетов Виленского окружного комитета КПЗБ сообщалось: «В Глубокском районе... состоялся митинг с участием 4,5 тысячи крестьян, а по другим, более вероятным сведениям, – 2–2,5 тысячи чел. Митинг прошел очень бурно».

Люди не могли смириться с тем, что целый народ насильно в одночасье разделили.

Безусловно, общественная активность не могла остаться без внимания властей, проводивших агрессивную политику полонизации. Предпринимались всяческие запреты, пробелорусски настроенных граждан подвергали уголовному преследованию. В 1929 году польские власти запретили деятельность Глубокской окружной управы ТБШ. К 1933 году закрыли все белорусские школы. Была запрещена деятельность компартии.

А что же Болеслав Лапырь? В 1926 году он женился, молодая семья приобрела в пользование землю. Не остался незамеченным профессионализм молодого человека – его назначили поветовым агрономом. Но Ла-

Болеслав Лапырь – глибоцкий агроном-селекционер. 1930-е годы

Въездная брама в Глубокое. 1930-е годы

пырь, настоящий энтузиаст сельского хозяйства, не мог смириться с вопиющей социальной несправедливостью по отношению к крестьянам-белорусам. Наглядно это выражалось в привилегированном положении так называемых осадников – бывших легионеров, участвовавших в польско-советской войне 1920 года. Их на Глуботчине было более ста, и каждый получил в собственность в среднем по 16,5 гектара пахотной земли. Крестьянам же доставались сплошные неудобицы. Осадники имели оружие и право следить за лояльностью граждан. Они могли арестовывать и доставлять подозрительных лиц в полицейский участок. Налоговая система была устроена таким образом, что осадники, как и помещики, платили в казну с одного гектара земли в два раза меньше, чем крестьяне – бедняки и середняки. Обо всем этом прекрасно знал поветовый агроном.

Не примыкая к каким-либо общественным и политическим движениям, Болеслав Лапырь как мог помогал сельчанам. В деревнях он проводил агрономические и зоотехнические курсы, инициировал проведение сельскохозяйственных выставок. Всеми доступными способами популяризировал передовые методы возделывания сельхозкультур: сотрудничал с периодическими изданиями, писал статьи для журналов *Tygodnik Rolniczy*, *Plon* и других, выступал в передачах на виленском радио. При этом всегда и везде отстаивал право использовать родной белорусский язык. Сохранилась выписка из протокола заседания Совета Виленского Комитета по сельскому хозяйству от 15 февраля 1936 года:

«Присутствуют чиновники: зам. воеводы Виленского воеводства, инспектор Министерства с/х, руководитель отдела по с/х Администрации Виленского воеводства. В 10.30 председатель с/х комитета открывает заседание Совета, назначаются секретари заседания. Пан Лапырь напоминает о внесенном ранее предложении по вопросу издания популярных брошюр на белорусском языке. Пан Желигорски поддерживает эти тезисы по поддержке популярных изданий на белорусском языке. Пан Рушчиц – предлагает эти предложения отправить на рассмотрение Комиссии по просвещению. Пан Лапырь считает, что такое решение вопроса – это потеря направления работы и необходимо, чтобы Совет открыто высказался по данному вопросу, т. к. это половинчатое решение неправильно и не по мужски. Председатель заседания призывает п. Лапыря к порядку. За направление в Комиссию по просвещению предложения п. Лапыря «на стр. 12 бюджета по словам «издания популярные» добавить «на языках польском и белорусском» голосовало 17 – за, 11 против, 1 воздержался. Председатель Совета предлагает, чтобы после рассмотрения и мнения Комитета по Просвещению [предложение] на Совет не возвращалось и было направлено на рассмотрение Президиума, что Совет и одобряет. В 22.30 заседание было закрыто».

Выступал Лапырь и за проведение на белорусском языке службы в костелах. С энтузиазмом пропагандировал народную культуру: организовывал различные фольклорные кружки, участвовал в театральных постановках.

Гражданская позиция поветового агронома, идущая вразрез с официальной политикой польского государства, в тех условиях не могла не отразиться на карьере. Перед самым началом Второй мировой войны Болеслава Лапыря вызвали в администрацию повета, где без объяснения причин объявили об увольнении. Но и так было понятно: это месть за политическую неблагонадежность.

2 сентября 1939 года войска фашистской Германии напали на Польшу, а 17 сентября по радио председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотов объявил: «В Польше создано положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. <...> От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу. <...> Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Перед самым началом Второй мировой войны Болеслава Лапыря вызвали в администрацию повета, где без объяснения причин объявили об увольнении.

В тот же день в Глубокое вступили части Красной армии. 19 сентября перед жителями города с концертом выступил ансамбль народных танцев СССР. Сотни горожан пришли посмотреть на невиданное прежде явление культуры. Был ли среди них отставной агроном? Не исключено. Радовался ли переменам? Скорее всего, да. Но он еще не знал, что впереди годы новых испытаний...

По утверждениям местных краеведов, во время Великой Отечественной войны агроном жил в Глубоком, спас многих жителей от вывоза в Германию. Но в сентябре 1943-го эта горькая участь постигла самого Лапыря и семью. По некоторым сведениям, он работал в одном из немецких поместий: его опыт и знания использовали для выведения новых сортов зерновых культур. После

войны семья Лапырей вернулась в СССР. Следы глубокого мичуринца теряются в волковысском фильтрационном лагере...

Не примыкая к каким-либо общественным и политическим движениям, Болеслав Лапырь как мог помогал сельчанам.

Сегодня общественная деятельность Болеслава Лапыря известна в основном местным историкам и краеведам. Но народная память о нем по-прежнему живет спустя десятилетия благодаря... вишне. Агроном-селекционер вывел несколько новых сортов, устойчивых к условиям белорусской зимы. А сорт Вишня кислая на Глуботчине по сей день называют лапыревым. Тут даже подсчитали: вишневые деревья в райцентре растут в восьми дворах из десяти. В апреле 2013 года в Глубоком заложили большой сад, и с того времени ежегодно в конце июля здесь проходит вишневый фестиваль. Он давно приобрел статус международного, а райцентр считается вишневой столицей Беларуси. Там же установлен и бюст земляку Болеславу Никодимовичу Лапырю – талантливому агроному и настоящему белорусу-патриоту.

Бюст Болеславу Лапырю, установленный в Глубоком

Тюремная улица... для воеводы

В 1921 году Новогрудок с населением чуть больше 6 тысяч человек польское правительство объявило центром воеводства. Люди недоумевали: по сути местечку перешли в подчинение более крупные города, такие как Барановичи, Несвиж, Слоним и ряд других. У поляков была своя логика: Новогрудок удобно расположен, к тому же это малая родина Адама Мицкевича, которого они считали исключительно «своим».

Сразу взялись приводить новый административный центр в соответствие со статусом, развернулось строительство. Среди первых новостроек оказались здание администрации воеводства и дом воеводы. Спустя некоторое время по окрестностям поползли язвительные разговоры: мол, политика новых властей полностью соответствует названию улицы, на которой размещалась администрация – Тюремная. Здесь находилась городская тюрьма, и, даже переименовав вскоре эту улицу в Воеводскую, от прежней подоплеки избавиться не удалось. Что неудивительно: новая власть всеми силами насаждала польскость, стремясь жестко искоренить любое проявление белорусской идентичности. В своих воспоминаниях отбывавший в 1928 году в Новогрудской тюрьме наказание будущий белорусский посол польского Сейма Александр Стоганович писал: «Наваградскі астрог быў настолькі перапоўнены, што неставала месца на падлозе».

В январе 1934 года ученики одной из повшехных (начальных) школ Слонимского повета организовали демонстрацию со знаменами и пением коммунистических песен.

Но, несмотря на это, люди не хотели мириться с тем положением, в котором оказались. На территории воеводства и в Новогрудке создавались структуры Товарищества белорусской школы, подпольные ячейки Компартии Западной Белоруссии, действовали другие белорусские организации. В отчете вышестоящим инстанциям за 1931 год воевода указывал на наличие 16 известных ему деревенских ячеек окружной организации ТБШ в Мире. Отмечалось проявление случаев бойкота польских школ и открытых выступлений родителей и учащихся с требованием организации обучения на родном языке. Так, в январе 1934 года ученики одной из повшехных (начальных) школ Слонимского повета организовали демонстрацию со знаменами и пением

коммунистических песен. Около здания другой школы в том же повете разбросали около 500 прокламаций, призывающих к борьбе за обучение на белорусском языке. В марте дети деревни Каменка-Могильницкая и ряда других отказались принять участие в праздновании именин Юзефа Пилсудского. Согласно информации воеводства, ученики разными способами срывали это торжество. В деревне Мошевичи дети «отказались от пения соответствующих моменту песен на польском языке, самовольно покинули помещение школы, выбив окна», а в повшехной школе деревни Остроухово Щорсовской гмины распространялись «листовки, призывающие детей, чтобы они не принимали участия в торжествах, посвященных празднованию именин Пилсудского».

В семье чтут дедовскую традицию – называть потомков по мужской линии Константинами.

Несправедливой была и экономическая политика в отношении местного белорусского крестьянства, которое составляло преобладающую часть населения воеводства. Так называемые секвестраторы с отрядами полиции массово описывали за долги имущество сельчан, после чего оно продавалось с торгов. Крестьянам приходилось постоянно сталкиваться с чванством польских магнатов и осадников, которые, пользуясь привилегиями, осваивали новые территории. На Новогрудчине еще помнят некую пани Марию, владелицу имения. Половина жителей близлежащей деревни батрачила на нее. Если кто-либо из крестьян приходил к ней с прошением, то, как правило, получал отказ. После ухода просителя прислуга обязательно протирала дверные ручки, ведь за них, по разумению помещицы, брался холоп. Подобное отношение к людям вызывало озлобленность у сельчан.

16 марта 1932 года в деревню Осташино Новогрудского повета приехали секвестраторы, чтобы описать имущество за долги и продать его. Наглое поведение польских чиновников до такой степени возмутило местных жителей, что они решили бойкотировать аукцион. А ночью запыльхали усадьба осадника и принадлежащие помещику хозяйственные постройки... Спустя три дня в деревню прибыли полицейские. Они попытались задержать нескольких человек. Однако сбежавшиеся односельчане отбили их. Полицейские вынужденно ретировались. Уже на следующий день в деревню нагрянул целый отряд полиции, вооруженный пулеметами. Задержали около сотни крестьян. Узнав о происходящем, жители

Здание администрации Новогрудского воеводства. 1930-е годы

Подпольщик Константин Викторович

соседних деревень пытались помочь осташинцам, но безуспешно – полицейские открыли огонь. Арестованных отправили в Новогрудскую тюрьму. Впоследствии один из задержанных, Иосиф Войтович, вспоминал: еще до этапирования ему всунули в рот кляп, заткнули нос и били по пяткам резиновыми дубинками, пока не потерял сознание. Через три месяца состоялся суд. Войтовичу присудили шесть лет тюремного заключения. На различные сроки осудили и других задержанных. Четверо из них, признанные организаторами беспорядков, – Иван Бахар, Александр Гаврош, Александр Малец и Владимир Стасевич – были приговорены к смертной казни через повешение. 7 июля того же года приговор привели в исполнение в Новогрудской тюрьме.

Жестокость властей не подавила дух сопротивления, не остановила борьбу белорусов Новогрудчины за свои права. Она продолжалась открыто – саботированием принимаемых властями решений, и тайно, с использованием методов подпольной работы. В 1934 году начальник отдела безопасности Новогрудского воеводского управления вынужден был разослать поветовым старостам секретное предписание, в котором говорилось: «В связи с проявляющейся в последнее время усиленной преступной деятельностью, направленной не только против безопасности и спокойствия, но даже против морального достоинства отдельных обывателей или также целых общественных групп, воеводское управление просит п.п. старост о принятии энергичных

средств противодействия такой деятельности, опираясь на действующие законы».

Однако подобные указания и лихорадочные репрессивные действия властей не помогали. По воспоминаниям секретаря Новогрудского подпольного комитета Коммунистической партии Западной Белоруссии Матвея Бесараба, осужденного в 1931 году за революционную деятельность на пять лет, даже в тюремных застенках политзаключенные умудрялись держать связь и координировать деятельность находящихся на воле товарищей.

18 сентября 1939 года в Новогрудок вошли передовые части Красной армии. Один из командиров, полковник Мисюев, делился своими впечатлениями: «Мы проходили мимо сел, украшенных красными флагами. На домах были вывешены лозунги: „Спасибо товарищу Сталину за освобождение Белоруссии от польского ига“, „Братский привет Красной Армии“. Девушки дарят красноармейцам букеты цветов. Эти дни стали для народа радостным праздником. Мы забываем об усталости, чувствуя, какую радость мы принесли населению Западной Белоруссии».

Один из главных хранителей памяти о тех событиях и исторического наследия Новогрудского района – директор историко-краеведческого музея Константин Викторович. Прошлым родного края он интересуется не только по долгу службы. Его дед – Викторевич Константин Константинович – был подпольщиком в Новогрудском воеводстве.

Братская могила красноармейцев, погибших при освобождении Новогрудка в сентябре 1939 года

– Родился он в деревне Головенчицы на Столбцовщине в 1906 году. По воспоминаниям родных, его всегда отличало чувство справедливости, – рассказывает Константин. – В 1926 году, почти в двадцать лет, окончил 6 классов польской школы.

«Девушки дарят красноармейцам букеты цветов. Эти дни стали для народа радостным праздником. Мы забываем об усталости, чувствуя, какую радость мы принесли населению Западной Белоруссии».

По словам К. Викторовича, дедушка несколько лет был проводником через польско-советскую границу. Где-то в 1928 году молодого подпольщика выследила и арестовала политическая полиция – дефензива. По приговору суда отбывал тюремное заключение вплоть до 1939 года, до прихода Красной армии. Вскоре переехал на постоянное место жительства в деревню Черемушки Новогрудского района. Умер в 1962 году, не оставив даже родным подробных воспоминаний. Директор музея предполагает, что в советский период это было связано с некой секретностью.

– В самом начале Великой Отечественной войны Новогрудчина оказалась в тылу немецкой армии, – говорит Константин Викторович. – Дед принял для себя решение догнать отступающие советские войска. Перейдя линию фронта, в районе Могилева вступил добровольцем в

Красную армию. Участвовал в обороне города. Прошел всю войну. Был ранен. А еще командир минометного расчета Викторovich Константин Иванович награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу», принимал участие в штурме Берлина.

Директор музея уверен: таких, как его дед, людей, любящих свою родину, не из робкого десятка, но скромных в обыденной жизни, было немало. После войны он работал обычным агентом на складе в райцентре и до самой смерти почти не рассказывал о своем героическом прошлом. Совсем недавно внуку удалось узнать: за свою революционную деятельность дед отбывал наказание в печально известном польском Береза-Картузском концлагере...

В семье чтут дедовскую традицию – называть потомков по мужской линии Константинами. Это имя носят уже сын – геологоразведчик Викторovich Константин Иванович, и внук... И наверняка традиция продолжится в следующих поколениях, а вместе с ней сохранится добрая и благодарная память о предке, жившем в такое беспокойное, судьбоносное время.

Путешествие... к Сталину

Федьку Трутько в детстве никто никогда в родных Огородниках не обзывал безотцовщиной. Отец у него был – Степан Алексеевич Трутько. Только подолгу отсутствовал дома. Односельчане знали: Степан сидит в тюрьме за правду. Как коммунист и организатор деревенской ячейки Коммунистической партии Западной Белоруссии. Между арестами плотничал, изготовлял телеги для лошадей. Особого дохода это занятие не приносило, жила семья бедно. Летом и Федор, и два брата с сестрой пасли

Один из активных участников революционного движения в Березовском районе, бывший заключенный Береза-Картузского концлагеря Степан Трутько

коров – людских и панских, подрабатывали как могли на уборке урожая. Но хлеба в хате все равно хватало только до нового года.

Иногда сердобольные родственники, отправляясь на базар в местечко Береза-Картузская, брали пацана с собой. Благо добираться совсем недалеко. Проезжая на скрипучей телеге мимо городских казарм, которые из-за цвета кирпича называли красными, взрослые невольно сутулились, понуро опуская голову, и рукой нагибали вниз вертлявого мальчугана...

В Береза-Картузском концентрационном лагере действовали два основных правила: беспрекословное выполнение и только бегом любых приказаний и режим абсолютного молчания.

В родной деревне взрослые перешептывались: в березовских казармах открыли лагерь для политических заключенных, в город теперь можно было попасть только по разрешению властей. Местное население обязали доносить на любого неизвестного, кто появится в населенном пункте. Запрещалось не только снимать территорию и объекты лагеря, но даже смотреть в ту сторону. Нарушение этих правил влекло за собой арест. Но об этом подросший Федор Трутько узнает спустя несколько лет...

Летом 1934 года начальство Полесского воеводства ретиво исполняло декрет президента и Совета Министров Польши о концентрационных лагерях – в Березе-Картузской аврально создавали концлагерь. Учреждение предназначалось для лиц, «деятельность или поступки которых дают основание усматривать угрозу с их стороны нарушения безопасности, спокойствия и общественного порядка». Причем для ареста и отправки сюда человека достаточно было особого мнения властей, посчитавших, что тот «соответствует» этим критериям.

Один из старейших жителей Березы Федор Трутько – из числа немногих живых свидетелей событий 1939 года, сыгравших знаковую роль в истории родного края и белорусского народа.

Несмотря на секретность и строжайшие запреты, местное население знало о невыносимых условиях содержания в лагере. Как говорится, шила в мешке не утаишь, информация так или иначе просачивалась сквозь конючую проволоку.

Сын Степана Трутько Федор рассказывает посетителям Березовского историко-краеведческого музея о революционной деятельности отца и его товарищей

Лагерный день начинался с подъема в четыре утра и поверки, на которой зачитывались два списка: один – распределение на работы, другой – карный, наказаний. В бетонной мастерской заключенные вручную изготавливали плиты для мощения дорог. Сидя на корточках дробили камень, затем специальные формы заливали бетоном. Для полного застывания 50-килограммовые плиты относили под навес. Нести их требовалось быстрым шагом, а возвращаться бегом. Были и так называемые полевые работы: узников концлагеря издевательски заставляли копать глубокие ямы, затем их засыпать. Не было возможности ни умыться, ни переодеться. В лагере действовали два основных правила: беспрекословное выполнение и только бегом любых приказаний и режим абсолютного молчания. За любое сказанное слово или шевеление губами людей наказывали.

Федор Трутько узнал об этом от своего отца, который вернулся домой в июне 1936 года после длительного тюремного заключения за организацию забастовок сельчан и местных лесорубов. Спустя десять дней Степана Трутько, как неблагонадежного элемента, снова задержала полиция. Оказалось, это был превентивный арест, чтобы запугать. И сопровождался он мордобоем и издевательствами. В конце 1937 года в дом вновь нагрянула полиция. На этот раз отца семейства этапировали

в Березу-Картузскую. Сохранились его воспоминания о первом дне нахождения в концлагере:

«Откуда? – спросил комендант.

Я ответил.

– Вероисповедание?

– Неверующий.

– Я спрашиваю о вероисповедании, – повторил он вопрос.

Я ответил то же самое.

– Видите, из деревни, а какой мудрец, – обратился комендант к полицейским. – Научите его, как надо вести в лагере.

Полицейские начали гонять меня и бить. Гоняли и били долго. Потом направили к коменданту блока. Тот спросил, откуда я, и велел за три минуты раздеться и разуться. Я разделся наголо. Он приказал мне повернуться несколько раз кругом и, обращаясь к полицейским, заключил:

– О, еще можно!

И полицейские вновь начали меня истязать. Командуя то лечь, то встать, то бегом, то шагом, они избивали меня, а потом загнали в большую пустую камеру и приказали, чтобы я лег на цементный пол, сложил руки на груди и не шевелился.

В этом положении я пробыл более часа. Затем пришел полицейский и начал меня муштровывать. Он заставил ходить «утиным шагом», прыгать вприсядку и сопровождал каждый прием палочными ударами. Я изнемог и упал. <...> На следующий день меня одели в костюм из мешковины, на который нашили номер 1221 и перевели в общую камеру».

«17 сентября мы узнали, что Красная армия начала наступление. Охранники Береза-Картузского концлагеря в спешке трусливо бежали из города».

Его неожиданно освободили в марте 1939 года. В родном доме Степан Алексеевич поведал о своих мытарствах. Рассказывал, что в концлагере действовала изощренная система наказаний, избежать которой не удалось ни одному человеку. Это были физические упражнения на измор, карцер и, как его называли полицейские, «путешествие к Сталину». В лагере длинную дорожку вымостили битым кирпичом с острыми краями – по ней узники заставляли ползать на животе. Степан называл ее кровавой дорожкой...

Формально в Береза-Картузский лагерь заключали на три месяца, но по факту и без всяких на то оснований срок мог длиться неопределенное время. Это было

болезненным психологическим испытанием – заключенные жили в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы.

– Папа еще в 1923 году вступил в ряды Коммунистической партии Западной Белоруссии. Он был настоящим патриотом родной земли, и нас, детей, воспитывал в этом духе, – вспоминает 93-летний житель Березы Федор Степанович Трутко. – Накануне Второй мировой войны 1 сентября 1939 года за ним вновь пришла полиция. Но ему удалось скрыться, долгое время прятался в лесу. 17 сентября мы узнали, что Красная армия начала наступление. Охранники концлагеря в спешке трусливо бежали из города.

Федор Степанович вспоминает, что у них советские части появились в двадцатых числах. Всей деревней, нарвав в палисадниках цветы, и даже с полевыми букетами бежали на шоссе, встречая красноармейцев. Люди ликовали, забрасывали солдат цветами. Детям, говорит ветеран, было особенно интересно посмотреть на проходившую мимо военную технику, да и вообще на машины, которых за польским часом видели очень редко.

«Папа еще в 1923 году вступил в ряды Коммунистической партии Западной Белоруссии. Он был настоящим патриотом родной земли и нас, детей, воспитывал в этом духе».

– Потом в деревнях начали проходить собрания, – продолжает свой рассказ Федор Степанович. – Приезжали политруки, проводили политинформации, рассказывали о целях и задачах освобождения западно-белорусских земель, о воссоединении кровных белорусов. Создавались органы советской власти. Отец был в числе организаторов и занимал пост заместителя председателя райисполкома. А потом началась Великая Отечественная... Но это уже были другие испытания.

Один из старейших жителей Березы Федор Трутко – из числа немногих живых свидетелей событий 1939 года, сыгравших знаковую роль в истории родного края и белорусского народа. Он желанный гость в районном историко-краеведческом музее, где не устают делиться с посетителями своими воспоминаниями. Ему есть о чем рассказать...

Леонид КРИВОНОС

Автор выражает признательность сотрудникам Глубокского историко-этнографического музея, Новогрудского и Березовского историко-краеведческих музеев за помощь в подготовке материала.